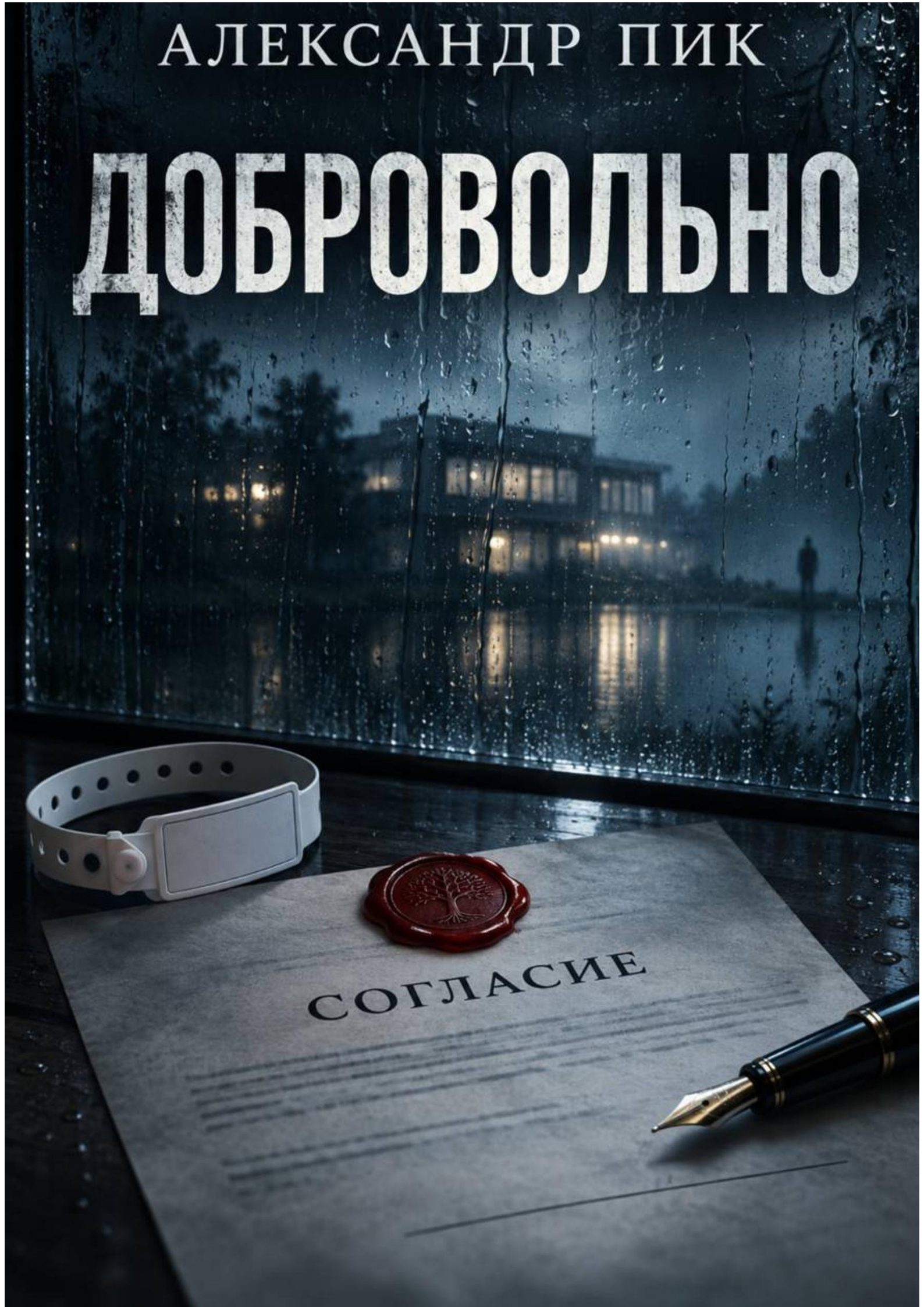
АЛЕКСАНДР ПИК

ДОБРОВОЛЬНО

Александр Пик

Добровольно

«Автор»
2026

Пик А.

Добровольно / А. Пик — «Автор», 2026

Надежда Ракитина привыкла доверять документам. В ее работе аудитора каждая цифра требует подтверждения, а каждое заключение — основания. Но после тяжелого развода и профессионального конфликта она соглашается на программу психологической помощи «Тихий берег», где обещают честный разговор с собой.Вместо ясности приходят сомнения. Ее осторожные слова превращаются в категоричные признания, возражения исчезают из итоговых записей, а участникам предлагают принять чужую версию прошлого как собственную. Вскоре последствия выходят за пределы центра: под угрозой оказываются репутация Надежды, ее работа и право самой определять, что она действительно говорила и делала.Чтобы разобраться, ей придется отделять факты от внушения, свидетельства — от интерпретаций, собственные ошибки — от чужих обвинений. Но можно ли отстоять правду, когда все вокруг повторяют, что ты согласилась добровольно?«Добровольно» — психологический триллер о власти слов, границах согласия и цене права не соглашаться.

© Пик А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I. СОГЛАСИЕ 5
Глава 1. После подписи 5
Глава 2. Дорога к воде 21
Глава 3. Нулевая вина 41
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Александр Пик
Добровольно

ЧАСТЬ I. СОГЛАСИЕ

Глава 1. После подписи

В день, когда суд поставил точку в их браке, Надежда Ракитина трижды перечитала документ и не запомнила ни одного предложения.

Судья произнесла несколько обязательных слов, секретарь протянула бумагу, Денис молча подвинул к ней ручку, хотя своя лежала у Надежды в сумке. Все происходило буднично, словно в офисе закрывали командировочные авансы. Из коридора доносился скрип подошв, на подоконнике у двери стоял стаканчик с остывшим кофе. На стене рядом с гербом висели часы. Их секундная стрелка шла неровно: замирала перед отметкой и затем догоняла упущенное.

Надежда запомнила часы, новую куртку Дениса, его непривычно короткую стрижку и едва заметную царапину на столе, похожую на дробь. Но позже, уже выйдя из здания суда, не смогла вспомнить, как именно ответила на вопрос, согласна ли она с расторжением брака.

Вряд ли это имело значение. Она сама подала заявление.

— Надь, — сказал Денис у лестницы.

Он не взял ее за локоть и даже не подошел ближе. Между ними прошли двое мужчин с толстой папкой, за которыми торопилась женщина в светлом пальто.

— Что?

— Вещи я заберу в воскресенье. Если удобно.

— Забирай.

— И насчет документов на машину…

— Я все отправила тебе вчера.

Он кивнул, словно проверил пункт из списка. Десять лет совместной жизни закончились разговором о зимних колесах, свидетельстве о регистрации и ключах от кладовки.

Надежда хотела сказать что-нибудь такое, после чего ему пришлось бы остановиться. Не извинение и не обвинение. Одну фразу, способную объяснить им обоим, как люди, которые столько лет знали, кто из них первым открывает окно ночью, вдруг превратились в аккуратных незнакомцев.

Вместо этого спросила:

— Ты сменил номер?

— Нет. Почему?

— Ничего.

Она спустилась по лестнице. Он не окликнул ее снова.

На дворе стояло десятое октября. Дождь, начавшийся еще утром, превратил Москву в город одинаковых отражений. Машины на парковке стояли в мутных лужах, прохожие держали зонты перед собой, как щиты. Надежда достала телефон, чтобы заказать такси, и увидела уведомление от банка: списание за парковку, сто восемьдесят рублей. В тот момент сумма показалась ей оскорбительно точной.

Потом пришло сообщение от коллеги: «Ты завтра будешь на созвоне?»

Завтра было воскресенье. Коллега, должно быть, имел в виду понедельник или перепутал дни. Надежда начала писать ответ, стерла его и убрала телефон.

До метро она дошла пешком.

*

В квартире пахло древесным порошком и чужим моющим средством. Неделю назад клининговая служба промыла шкафы, освобожденные от вещей Дениса, и теперь запах долго не выветривался. На полке в коридоре остался светлый прямоугольник там, где прежде стояла его коробка для ключей. Надежда переставила на это место маленькую керамическую вазу, но пятно все равно было видно.

Она сняла обувь и прошла на кухню, не включая свет.

На холодильнике висел список продуктов, составленный еще в августе. В самом низу Денис написал своим угловатым почерком: «Наде — кофе без кислотности». Она оторвала листок, скомкала и тут же расправила. Глупо было выбрасывать бумагу лишь потому, что на ней сохранилась забота человека, который больше не хотел с ней жить. И еще глупее — считать листок последним ее доказательством.

Листок отправился в нижний ящик вместе с гарантийными талонами.

Ноутбук стоял на обеденном столе. На не погашенном с вечера экране оставалась рабочая таблица: сопоставление платежей транспортной компании с данными поставщиков. Формально она находилась в отпуске на четыре дня. В действительности отдел внутреннего аудита не умел отпускать сотрудников, когда в отчете оставались необъясненные расхождения.

Надежда нажала на строку с подсвеченным номером договора.

Разница составляла два миллиона четыреста тысяч рублей. Она не могла возникнуть из-за округления, курсовой переоценки или ошибки при переносе файла. В цепочке было три связанных счета, одинаковое описание услуги и две подписи, которые выглядели слишком похожими. Надежда помнила, как еще в сентябре задала начальнику отдела снабжения простой вопрос: кто фактически принял работы? Тот улыбнулся и предложил не искать злого умысла там, где достаточно человеческого фактора.

Она сохранила локальную копию сверки с датой в названии и закрыла ноутбук.

В последнее время она делала это часто: открывала важное, смотрела несколько минут, откладывала. Денис однажды назвал такое поведение «зависанием». Она возразила, что это обычная перегрузка. Но после его ухода иногда ловила себя на том, что стоит с открытым холодильником, не понимая, зачем пришла на кухню.

На столе лежал конверт из суда. Она убрала его под стопку квитанций, потом достала снова и переложила в папку «Личное». Зачем ей понадобилось перекладывать конверт, Надежда и сама не понимала.

Телефон завибрировал.

«Мама» — высветилось на экране. Надежда смотрела на имя, пока звонок не закончился, а затем отправила короткое сообщение: «Все нормально. Перезвоню завтра».

Ничего нормально не было. Но рассказывать матери о суде означало снова объяснять, почему Денис ушел, кто виноват и можно ли было вовремя заметить признаки. Мама любила Надежду и потому неизменно искала конкретного виновника. Когда такого человека не находилось, начинала искать недостаток характера.

На этот раз Надежда не хотела участвовать в расследовании.

Вечером ей пришло первое письмо.

Тема выглядела почти служебной: «Подтверждение участия. Программа восстановления после жизненных изменений».

Она решила, что это реклама. Но имя отправителя было не безликим сочетанием латинских букв, а «Координационный отдел. Тихий берег». Надежда вспомнила страницу, которую открывала две недели назад, когда ночью не могла уснуть. Тогда в ленте появилась статья о том, что после развода люди испытывают не столько горе, сколько истощающую привычку искать собственную вину. В конце был тест из семи вопросов. Она прошла его из любопытства и закрыла вкладку, не дожидаясь результата.

Теперь в письме говорилось:

«Уважаемая Надежда Сергеевна! По итогам предварительной анкеты Вам предложено безвозмездное участие в программе психологической поддержки „Добровольно“. Программа проходит в загородном центре „Тихий берег“. Заезд — 12 октября, продолжительность — семь дней. Количество мест ограничено».

Далее следовали обещания: безопасная среда, восстановление личных границ, работа с чувством вины, сопровождение специалиста. Больше всего ее насторожила фраза «участие возможно только при осознанном согласии».

Для рекламного письма она звучала неестественно.

Надежда прокрутила страницу вниз. Там находились реквизиты некоммерческого проекта, юридический адрес, номер для связи и ссылка на документы. Слишком подробно для обычного сбора контактов. Возможно, именно это ее и заинтересовало.

Она открыла сайт. На главной странице было изображение темной воды и деревянного дома с длинным рядом окон. Ни улыбающихся людей в белых халатах, ни фотографий счастливых выпускников. Под названием стояла короткая фраза: «Вы вправе перестать быть обвинителем самому себе».

Надежда прочитала ее дважды и почувствовала раздражение. Почему незнакомые люди так легко обращались к той части ее жизни, которую она сама не умела описать?

Письмо осталось открытым, пока она убирала на кухне.

*

На следующее утро она проснулась в половине шестого без будильника. В воскресенье город за окном звучал иначе: редкие машины, далекое дребезжание мусоровоза, чуть заметный шум вентиляции. Надежда лежала, пытаясь понять, что ее разбудило.

Снился один и тот же вечер в конце августа.

Они с Денисом стояли на кухне. Он сказал что-то о ее работе; она ответила слишком резко. Потом он произнес фразу про ребенка, которого у них не было. Не упрекнул напрямую — просто произнес, как произносят слово, случайно упавшее между чашками. Надежда почувствовала, как внутри что-то распрямилось и стало жестким. Она говорила, не выбирая выражений, припоминала его прежние обещания, встречу с бывшей однокурсницей, его молчание после обследования. В какой-то момент разбилась кружка.

Наутро Денис сказал, что с ней невозможно разговаривать.

Она не помнила, кто разбил кружку. Именно эта деталь почему-то мучила ее сильнее всего. Если разбила она, значит, потеряла контроль. Если он — значит, потом позволила ему убедить себя в обратном. Никакой практической разницы между версиями не было, но обе мешали жить.

У кровати лежала книга, которую она купила после ссоры. Психолог обещал научить различать вину и ответственность за двадцать один день. Надежда дочитала до упражнения, где предлагалось написать письмо себе маленькой, и бросила. Ей не хотелось писать маленькой себе. Ей хотелось однажды проснуться и не возвращаться к этому августовскому вечеру.

Она взяла телефон и снова открыла приглашение.

На сайте появился раздел «Кому подойдет программа». Там говорилось об утрате отношений, длительном конфликте, ощущении, что простого извинения уже недостаточно. Слишком общие фразы. И все же каждая задевала больное.

В графе стоимости стоял ноль.

Надежда привыкла проверять бесплатные предложения. В ее работе нулевая цена означала лишь, что оплату проводят по другой статье или несет третье лицо. Она нашла страницу финансирования. Там объяснялось: проект существует за счет целевых взносов партнеров и не продает участникам дополнительные услуги. Подтверждение участия не требовало банковской карты.

Она набрала указанный номер.

Ответили после второго гудка.

— Координационный отдел «Тихого берега», добрый день. Меня зовут Татьяна.

Голос был негромким, хорошо поставленным. На фоне не слышалось ни других операторов, ни музыки.

— Я получила письмо о программе, — сказала Надежда. — Хотела узнать, откуда у вас мои данные.

— Вы заполняли предварительную анкету на партнерской площадке.

— Я проходила короткий тест. Там не было вопроса о поездке.

— Верно. Вы дали согласие на получение информации о подходящих программах. Участие совершенно необязательное.

— А кто оплачивает проживание?

— Партнерский фонд. Для участников все бесплатно, включая питание и консультации.

— Кто этот фонд?

Татьяна назвала организацию. Надежда записала название на обороте рекламного чека. В разговоре не прозвучало ничего явно подозрительного, но ощущение гладко подготовленного сценария усилилось.

— Можно поговорить с психологом заранее?

— Конечно. Короткое вводное интервью проводится после подтверждения интереса. Если вам некомфортно, вы откажетесь на любом этапе.

— Именно на любом?

— Именно, — повторила Татьяна без паузы. — Для нас принципиальна добровольность.

Надежда спросила, можно ли пользоваться телефоном. В центре, объяснила координатор, практикуют цифровой отдых: устройства хранятся в индивидуальных сейфах и выдаются по установленному расписанию. При необходимости близкие смогут связаться через администратора. В экстренной ситуации связь обеспечат.

— Похоже на санаторий строгого режима, — сказала Надежда.

Татьяна тихо засмеялась. Не обиженно, а так, будто этот вопрос задавали уже сотни раз.

— Участники часто так шутят. Вам никто не мешает выбрать другой формат поддержки.

Надежда поблагодарила и положила трубку.

Секунду спустя пришло сообщение с именем координатора, программой первого дня и ссылкой на договор. Разговор еще не успел стать воспоминанием, а система уже зафиксировала ее интерес.

Она решила не ехать.

Это решение продержалось до обеда.

*

К двум часам ее позвали на короткое видеособеседование.

На экране появилась женщина лет сорока с аккуратно собранными волосами. За спиной была светлая стена, на ней — небольшая графика с кругами, которые не пересекались. Женщина представилась Оксаной Белецкой, психологом программы. Она сразу предупредила, что беседа не заменяет медицинской консультации и что Надежда может не отвечать на любой вопрос.

— Что вас привлекло в нашем предложении?

— То, что оно бесплатное, — сказала Надежда.

Оксана улыбнулась.

— Это честный ответ.

— Я работаю с финансовыми документами. Бесплатного почти не бывает.

— И что, по-вашему, мы получаем взамен?

— Данные. Истории. Возможно, отзывы.

— Это понятное предположение. Вам важно, чтобы с вами ничего не делали без вашего ведома.

Надежда слегка подалась к экрану.

— Всем это важно.

— Не всем удается об этом сказать.

Оксана говорила без спешки. Она не требовала признаний и не пыталась заполнить каждую паузу. За двадцать минут Надежда рассказала больше, чем собиралась. Не о подробностях развода, а о самом состоянии: усталости, бессоннице, необходимости объясняться, ощущении, что каждый разговор превращается в пересмотр старого дела.

— Вы часто используете слова из судебной практики, — заметила Оксана. — Объясняться. Доказательства. Обвинение.

— Я аудитор. У меня профессия такая.

— А дома?

Надежда взглянула в темный прямоугольник собственной камеры.

— Дома, наверное, тоже.

Оксана не стала делать из этого вывод.

— Расскажите, что вы хотите получить через неделю. Не идеальный результат, а самый маленький заметный признак перемены.

Надежда долго думала.

— Чтобы я могла услышать слово «виновата» и не начинала сразу проверять, к кому оно относится.

— Это хорошая цель. Но мы ничего не обещаем за семь дней. Я должна это проговорить.

— А что вы обещаете?

— Пространство, где можно задать себе вопросы, на которые в обычной жизни не остается времени.

Фраза была стандартной. Тем не менее Надежда почувствовала, что у нее ослабло напряжение в плечах. Может быть, дело было только в том, что впервые за долгое время собеседник не пытался определить, кто именно разрушил ее семью.

В завершение Оксана спросила о здоровье, лекарствах, панических приступах, тяжелых эпизодах депрессии. Надежда ответила честно: хронических диагнозов нет, снотворные не принимает, к врачу за последние месяцы не обращалась. Психолог уточнила, знает ли кто-нибудь из близких, куда она собирается.

— Пока я и сама не знаю, собираюсь ли.

— Это нормально. Выбирайте без спешки.

Когда связь оборвалась, Надежда несколько секунд смотрела в экран. Она не заметила того момента, когда предложение перестало казаться нелепым.

Позже она вспомнит, что Оксана ни разу не сказала: «Вам надо приехать». Все важные решения предлагалось произнести самой.

*

К четырем Денис привез складные коробки.

Он позвонил в дверь, хотя ключ еще оставался у него. Надежда открыла и неожиданно почувствовала благодарность за этот маленький жест. Потом рассердилась на себя: неужели теперь простое соблюдение границы надо считать подарком?

Денис был в той же новой куртке. На лестничной площадке, у его ног, стояли две пустые картонные коробки и рулон скотча.

— Я быстро, — сказал он.

— Можешь не торопиться. Я никуда не ухожу.

Она сказала правду, но через час уже сама не была в ней уверена.

Пока Денис собирал книги из кабинета, Надежда разбирала документы. Она оставила ему страховку на автомобиль, два старых диплома и папку с гарантиями на бытовую технику. Время от времени он спрашивал, можно ли взять ту или иную вещь. Иногда предмет оказывался подарком, и тогда оба делали вид, что не помнят обстоятельств.

— Эту фотографию оставь, — попросила Надежда, когда он снял со стеллажа рамку.

На снимке они стояли возле моря. Ветер поднял волосы Надежды, Денис щурился от солнца. Она не любила эту фотографию, считала себя на ней уставшей. Теперь оказалось, что там сохранился какой-то человек, которого ей было жаль терять.

— Конечно, — ответил Денис.

Он поставил рамку обратно. Не спросил зачем.

Когда коробки были заклеены, Денис задержался у стола.

— Надь, я нашел у себя распечатку твоего отчета. Старого, по поставщикам. Она случайно с моими бумагами оказалась. Принести?

— Какого именно отчета?

— Не знаю. Сентябрьского. Там таблицы по «Регион-Трансу» и каким-то подрядчикам.

Надежда выпрямилась.

— Ты не должен был его брать.

— Я и не брал специально. Видимо, ты оставила у меня в машине.

— Это внутренние материалы.

— Я понимаю. Не читал.

Она хотела спросить, откуда он знает, какие там подрядчики, если не читал. Потом вспомнила, что названия стояли на первой странице. Возможно, все было именно так.

— Привези, пожалуйста, в следующий раз. Или порви при мне.

— Привезу.

Он не спросил, почему это важно. Денис давно усвоил: когда речь заходила о работе, Надежда становилась человеком с невидимым замком на двери. Она считала это необходимой профессиональной границей. Он называл недоверием.

Уходя, Денис снял ключ от квартиры со своего кольца и положил на тумбу.

Движение было решительным, почти торжественным, но ключ звякнул нелепо тихо.

— Береги себя, — сказал он.

Надежда кивнула.

Дверь закрылась. В квартире остались два пустых места на книжной полке, фотография у моря и бумага из суда под стопкой квитанций.

Она подошла к окну. Денис загрузил коробки в багажник, сел в машину и долго не уезжал. Надежда видела свет его телефона. Потом загорелись фары.

Никакой важной фразы не прозвучало.

*

Согласие она отправила в восемнадцать сорок семь.

Перед этим снова прочитала правила. В одном пункте говорилось, что на время групповых занятий участникам рекомендуют отказаться от внешнего информационного шума. В другом — что общение с близкими допускается через администратора. Ни запрета покидать территорию, ни ограничения свободы передвижения в документе не было. Надежда отметила это отдельно.

Она написала матери, что на неделю поедет на программу психологического восстановления. Мама немедленно позвонила.

— Куда? Что за программа? Какие врачи? Почему бесплатная?

— Это не больница, мам.

— Тогда почему нельзя нормально съездить на отдых?

— Потому что мне не нужен отдых.

— Ты слышишь себя? После развода надо отвлечься, встретиться с людьми. А ты собралась в лес к каким-то неизвестным психологам.

— Я не собралась. Я думаю.

— Сначала узнай, кто у них директор, есть ли лицензия.

Надежда с досадой заметила, что задавала себе те же вопросы. Но в мамином голосе они звучали как приговор еще до проверки.

— Я все выясню.

— Наденька, ты хотя бы адрес пришли.

— Пришлю.

После разговора она сделала именно это: записала адрес, нашла организацию по открытым реестрам, сверила данные сайта с карточкой юридического лица. Название совпадало, организация не выглядела недавно созданной. Она нашла несколько отзывов. Один хвалил программу за «неожиданную честность», другой жаловался на неудобный режим, третий писал, что после возвращения «жизнь разделилась на до и после». Под отзывами не было настоящих имен, и Надежда не стала придавать им большого значения.

Но отсутствие очевидных красных флажков она по ошибке приняла за наличие доказательств безопасности.

В подтверждении записи появился маршрут: встреча с координатором в Москве, затем групповой трансфер. Уточнялось, что дорогу оплачивает проект. До заезда оставалось меньше двух суток.

Надежда сохранила адрес в заметках и переслала матери. Потом открыла расписание первой недели.

День первый: «Вход и доверие».
День второй: «Чужой голос внутри».
День третий: «Память и ответственность».
День четвертый: «Свидетель».
День пятый: «Признание».

День шестой: «Освобождение».
День седьмой: «Возвращение».

Названия напоминали главы популярной книги. Надежда хотела иронически переслать их подруге, но передумала. Ей не хотелось заранее защищать выбор, которого она еще не сделала окончательно.

Она легла рано, но сон не пришел.

В темноте квартиры было слышно, как за стеной кто-то двигал мебель. Надежда представляла комнату центра: чистое белье, стол, лампа, незнакомая соседка. Представляла, что ей не надо объяснять, кто такой Денис, не надо отвечать на рабочие письма, не надо проверять каждый вечер одну и ту же историю на предмет собственной виновности.

Она ничего не знала об этих людях.

И это неожиданно казалось преимуществом.

*

Анкета состояла из сорока двух вопросов.

На первых страницах все было ожидаемо: возраст, семейное положение, характер работы, хронические заболевания, контакт для экстренной связи. Затем начинались вопросы без правильных ответов.

«В каких ситуациях вы считаете себя виноватой, хотя вам говорили обратное?»

«Кому вы не можете простить то, что он не признал?»

«Бывало ли, что близкий человек уверял вас в событии, которое вы помните иначе?»

Надежда подолгу задерживалась перед полями. Она могла оставить их пустыми, система не требовала заполнить каждую строку. Но пустое поле выглядело как недоговоренность с самой собой.

На вопрос о вине она написала: «В отношениях трудно определить долю ответственности каждого». Стерла. Написала: «Я часто считаю, что могла остановить ссору раньше». Оставила.

На вопрос о памяти ответила: «Да, такое бывало». Захотела добавить пример с разбитой кружкой, но решила, что слишком личное подробное воспоминание не стоит доверять анкете. Вместо этого поставила точку.

У пункта «Назовите человека, чье мнение о вас до сих пор имеет силу» она написала «бывший муж» и тут же заменила на «члены семьи». Формулировка стала менее точной, но безопаснее.

Ближе к концу появился вопрос: «Что должно произойти, чтобы вы признали свою вину перед другими участниками?»

Надежда медленно отодвинулась от стола.

До сих пор анкета спрашивала о чувствах. Здесь предполагалось действие: признание перед посторонними. Она нажала на значок справки. Во всплывающем окне объяснялось, что речь идет о добровольных групповых упражнениях и что участник вправе ничего не рассказывать.

Она написала: «Мне должны показать факты, а не убеждать меня».

Несколько секунд смотрела на фразу, потом добавила: «И я должна иметь возможность отказаться».

Анкета приняла ответ.

Следующий вопрос появился после небольшой задержки, будто система обдумывала сказанное.

«Есть ли поступок, в котором вы хотели бы признаться, но боитесь последствий?»

— Нет, — сказала Надежда вслух.

Она и сама удивилась резкости ответа. Разумеется, существовали вещи, которых она стыдилась. Она могла бы признаться, что однажды проверила чужую переписку; что упрекала Дениса в бесплодных попытках построить семью, хотя знала, насколько болезненна эта тема; что порой мечтала, чтобы ссору выиграл не тот, кто прав, а тот, кто первым найдет слова. Но ни одно из этих событий не было преступлением, ни одно не требовало публичного признания.

В поле она поставила прочерк.

Внизу оставалась кнопка «Отправить». Рядом — ссылка на обработку персональных данных. Надежда открыла ее еще раз. Документ был длинным, с привычными юридическими оборотами и перечнем целей обработки. Она прочла начало, нашла порядок отзыва согласия, скачала копию. Внутри зудело чувство, что она ведет себя смешно: собирается в психологический центр и читает договор так, словно проверяет поставщика на фиктивность.

И все же привычка искать условия, скрытые в сносках, успокаивала.

Она нажала «Отправить».

Экран ненадолго побелел, затем появился зеленый значок и сообщение: «Ваши ответы успешно сохранены. Спасибо за доверие».

Надежда закрыла ноутбук.

Вечером она все же начала собирать вещи.

*

Личный кабинет открылся сразу, без повторного ввода пароля. Под фотографией берега стояла строка «Ваш статус: участник». Ниже — пункт «Индивидуальный маршрут» и кнопка «Просмотреть».

Надежда не помнила такого пункта накануне.

Она нажала.

На странице появилась таблица, похожая на выдержку из психологического заключения. Левая колонка называлась «Зона напряжения», правая — «Вероятные механизмы». Первые строки пересказывали ее ответы: утрата близких отношений, высокая потребность в контроле, склонность к самопроверке. Формулировки были сухими и не очень приятными, но узнаваемыми.

Ниже стояла пометка: «Исходный конфликт — август 2026. Объект чувства вины — супруг».

Надежда остановилась.

Месяц развода она указывала. Об августовской ссоре — нет. В анкете не было даты. Во время беседы с Оксаной она тоже не называла ее; говорила только «несколько недель назад». Возможно, психолог вывела месяц из контекста, а система подставила его автоматически.

Надежда прокрутила ниже.

«Ключевой эпизод: вербальная эскалация в кухонном пространстве, последующее повреждение предмета посуды».

На мгновение она задержала дыхание.

Это уже было не предположение. Разбитую кружку она никому не описывала. Даже матери рассказывала только, что они с Денисом сильно поссорились. Снимков не было; осколки они выбросили в тот же вечер.

Надежда еще раз открыла свою анкету в соседней вкладке. Там действительно значилось лишь: «Да, такое бывало». Никакой кухни. Никакой кружки.

Может быть, Денис рассказал кому-то? Но зачем кому-то передавать это психологическому центру? И как сотрудники связали случайный разговор с ее заявкой?

Она машинально посмотрела на часы. Семь двенадцать.

Следующая строка была выделена мягким серым фоном:

«Потенциальная точка сопротивления: участница настаивает на необходимости внешних доказательств и отказывается принимать ответственность без подтверждения».

Это было почти дословно из ее анкеты. Надежда почувствовала облегчение от того, что хотя бы эта часть объяснима.

И только после этого заметила последнюю строку.

«Поддерживающий сценарий: возвращение к эпизоду с кружкой, уточнение субъектности действия. По предварительным сведениям, участница утверждала, что кружку разбил супруг, хотя присутствовавшая сторона сообщала обратное».

Надежда несколько раз перечитала предложение.

Она нигде не утверждала, что кружку разбил Денис. Более того, именно невозможность вспомнить это и мучила ее. И что означало «присутствовавшая сторона»? Слово выглядело так, будто запись составляли не для участника, а для тех, кому предстояло с ним работать.

Она открыла исходные документы анкеты, пробежала глазами формулировки. Затем вернулась к заключению и попыталась выделить текст мышью. Выделение не работало. Кнопки «Скачать» не было, только «Продолжить».

Надежда взяла телефон и сфотографировала экран. На снимке хорошо читались и дата, и последняя строка.

Почти сразу в углу страницы всплыло небольшое окно чата.

«Здравствуйте, Надежда Сергеевна! Возникли вопросы по индивидуальному маршруту?»

Она не стала отвечать.

В коридоре раздался звук лифта, затем соседи открыли дверь. Обычное утро за стеной шло своим чередом. Кто-то спешил на работу, кто-то вел ребенка в школу. А в ее квартире на столе лежал телефон со снимком заключения, из которого следовало, что посторонние люди знают подробности ссоры, о которых она сама не говорила.

Она нашла номер координатора и позвонила.

Татьяна ответила так же быстро, как в первый раз.

— Доброе утро, Надежда Сергеевна. Вы уже готовитесь к выезду?

— Я открыла индивидуальный маршрут. Кто его составлял?

— Это предварительный рабочий документ для психолога. Иногда в нем бывают неточные формулировки.

— Там описана ссора, о которой я вам не рассказывала.

На другом конце стало тихо. Пауза была слишком короткой для признания, но Надежда успела представить девушку с гарнитурой, ищущую нужный абзац инструкции.

— У нас используются сведения из анкеты и вводного интервью, — ответила Татьяна.

— Нет. Там написано о разбитой кружке. Я этого не сообщала. Откуда вы узнали?

— Я не работаю с содержанием психологических заключений. Могу передать ваш вопрос специалисту.

— Передайте. И еще один. Кто такая «присутствовавшая сторона»?

— Уточню.

— Я хочу получить ответ до посадки в автобус.

— Конечно. Вы вправе отказаться от поездки в любой момент.

И снова — та же безупречная фраза. Надежда вдруг подумала, что ее повторяли не только ради спокойствия клиентов. Возможно, она была нужна и самим сотрудникам. Когда человеку снова и снова напоминают о свободе уйти, легко упустить, что заставляет его остаться.

— Тогда я жду, — сказала она.

Разговор завершился.

Надежда положила телефон на стол и попыталась решить, что делать дальше. Самый простой ответ был очевиден: не ехать. Закрыть страницу, отменить запись, выбрать специалиста по рекомендации знакомых. Не тратить неделю на людей, которые не могут объяснить происхождение частной информации.

Она набрала сообщение об отказе, но не отправила.

Мешала не надежда на чудесное исцеление. Мешал профессиональный зуд, знакомый по работе: если в документе появляется деталь, которой там не должно быть, нужно выяснить источник. Она не знала, сколько таких деталей осталось скрытыми, и не хотела оставлять их в чужом распоряжении.

В восемь пятнадцать пришел ответ от Оксаны Белецкой.

«Надежда, добрый день. Я понимаю, почему вас насторожили формулировки. Предварительный маршрут автоматически формируется из нескольких источников и может содержать технические ошибки. При личной встрече мы обсудим каждый пункт, и все, с чем вы не согласны, будет исключено. Решение о приезде только за вами».

Надежда снова открыла заключение.

Страница изменилась.

В последней строке теперь говорилось: «Уточнение распределения ответственности за повреждение бытового предмета». Упоминание «присутствовавшей стороны» исчезло. Исчезла и фраза о том, будто она обвиняла супруга.

Не прошло и часа после звонка.

Она проверила фотографию на телефоне: прежняя версия сохранилась.

Техническую ошибку исправили необычайно быстро. А если дело было не в ошибке, значит, кто-то следил за ее вопросами.

Надежда стояла перед столом, держа телефон в руке. На экране оставалось аккуратное приглашение, адрес центра, время отправления. Все выглядело как прежде, кроме одной детали: теперь у нее было доказательство того, что документ изменили после ее возражения.

Она открыла пустую страницу записной книжки и записала четыре пункта: время появления заключения, исходную формулировку, время звонка, время изменения. Рядом поставила пометку: «Узнать источник».

Затем посмотрела на чемодан в коридоре.

В девять сорок она надела куртку.

На пороге задержалась, вернулась к столу и отправила матери фотографию подтверждения поездки. Потом переслала себе на вторую почту два снимка заключения — до и после правки. Лишь убедившись, что письма ушли, закрыла квартиру на два оборота.

По дороге к лифту телефон снова завибрировал.

Неизвестный номер прислал короткое сообщение:

«Надежда Сергеевна, не волнуйтесь. Мы помним, что вы не считаете себя виновной в том, что произошло на кухне».

Она остановилась.

В заключении не было этого утверждения. В анкете тоже. Она никому не говорила, считает ли себя виновной. Не говорила даже Денису. Потому что до сих пор не могла решить.

Надежда медленно подняла глаза на отражение в зеркале лифта. Женщина в темной куртке смотрела на нее так, словно ожидала объяснения.

Автобус отправлялся через двадцать минут.

Она не знала, кто написал сообщение. Но впервые за последние два дня поняла: в центр ее зовут не только слушать.

Там уже приготовили историю о ней.

Глава 2. Дорога к воде

В девять сорок три Надежда Ракитина вышла из метро и увидела человека с табличкой «ТИХИЙ БЕРЕГ».

Он стоял возле серого микроавтобуса, чуть в стороне от таксистов. На стекле был прикреплен лист с временем отправления — 10:00. Рядом ждали четыре женщины и мужчина с большой дорожной сумкой. Никто не разговаривал, и обычная встреча пассажиров напоминала сбор перед неприятной процедурой.

Надежда остановилась перед газетным киоском. На экране оставалось сообщение неизвестного отправителя: «Мы помним, что вы не считаете себя виновной в том, что произошло на кухне».

Она снова проверила номер. Обычный мобильный, без фотографии и имени в мессенджере. Звонить не стала. Если писал сотрудник центра, она спросит об этом лично. Если посторонний, ответ лишь подтвердит, что сообщение попало в цель.

— Вы к нам? — спросил мужчина с табличкой.

— Ракитина Надежда.

Он посмотрел в планшет.

— Надежда Сергеевна. Меня зовут Арсений, я сопровождающий группы. Назовите последние четыре цифры телефона.

Она назвала.

— Паспорт нужен?

— Проверим при размещении. Чемодан можно поставить сюда.

Он показал на багажное отделение и отметил что-то в списке.

— А если я передумала ехать? — спросила Надежда.

— Просто скажите. Все добровольно.

Она запоминала не слова, а порядок: сначала инструкция, затем уверение в свободе выбора. Так разговаривали координатор по телефону, психолог и теперь сопровождающий.

— Я пока не передумала.

Арсений кивнул, словно другого ответа и не ожидал.

Возле автобуса девушка в синем пуховике пыталась открыть бутылку воды. Правая рука у нее заметно дрожала. Надежда помогла открутить крышку.

— Спасибо. Когда нервничаю, пальцы не слушаются. Я Алина.

— Надежда.

— Вы тоже первый раз?

— Да.

— Мне сказали, тут будет очень спокойно. Представляете, до чего мы дошли: едем за три часа от Москвы, чтобы кто-то официально разрешил нам успокоиться.

Она засмеялась коротко, сама смутившись шутки. На боковом шве ее сумки виднелась свежая ручная строчка. Алина поймала взгляд Надежды и поправила ремень.

— Тут у меня вся жизнь. Наверное, поэтому молния уже не выдерживает.

К ним подошел мужчина с большой сумкой.

— А я за бесплатным отпуском приехал, — сообщил он. — Павел Неверов. Строитель. Если за услугу не берут деньги, где-то есть другой заказчик.

— Вы уверены, что хотите сюда ехать? — спросила Надежда.

— Уверен, что дома за неделю никто не даст поспать. А тут обещают. Уже кое-что.

Ей понравилось, что Павел не изображал всезнайку.

В автобус они вошли последними.

Надежда заняла место справа у окна, за водителем. На каждом сиденье лежал бумажный пакет с водой, батончиком и листом правил. Салон пах новой обивкой и мокрыми куртками.

Рядом села худощавая женщина в сером пальто, прижимая к груди папку с документами.

— Свободно? Я Евгения.

— Садитесь.

Евгения сразу пристегнулась. Руки остались на папке, словно та могла выскользнуть при первом повороте.

— Вы уже бывали на таких программах? — спросила она.

— Нет. А вы?

— У нас в школе проводили тренинги. Только про выгорание и общение с родителями. Здесь, наверное, другое.

— Вы учитель?

— Русский язык и литература.

Евгения поправила край папки.

— Я взяла справки. Хотя мне сказали, что не надо.

— Какие справки?

Она замялась.

— Просто документы. В последнее время все спрашивают, уверена ли я в том, что говорю.

— А вы уверены?

Евгения посмотрела устало.

— Вот видите. Даже вы.

Надежда извинилась. Вопрос действительно прозвучал так, будто она требовала доказательств от человека, которого встретила минуту назад.

Через проход сел мужчина в дорогом пальто, аккуратно сложил его на полку и представился:

— Глеб Шатров. Надеюсь, у нас соберется вся восьмерка.

— Почему восьмерка? — спросил Павел.

— В приглашении указано восемь участников.

Арсений пересчитал людей.

— Одна участница приедет самостоятельно. Можем отправляться.

Надежда заметила, что Глеб уже устроился так свободно, словно поездка была для него привычным делом. Он достал блокнот и ручку. Справок для защиты собственной версии жизни ему, похоже, не требовалось.

Автобус тронулся ровно в десять.

Первые двадцать минут никто почти не разговаривал. За окнами тянулись московские улицы, затем склады, развязки и торговые центры. Надежда смотрела на машины и думала,

что водитель, вероятно, остановится по ее просьбе. На каждом светофоре можно выйти. Ничто пока не удерживало ее внутри.

Но чем дальше они уезжали, тем более нелепой казалась мысль нарушить общий маршрут.

Ей вспомнилось рабочее совещание. Каждый формально мог возразить против решения руководства, но никто не хотел становиться человеком, из-за которого другие задержатся на час. Так возникало согласие без приказа.

Она открыла карту, убедилась, что маршрут ведет в Тверскую область, и сохранила снимок экрана.

— Проверяете дорогу? — спросила Евгения.

— Да. Хочу понимать, где мы будем.

— Я тоже хотела. Но не очень умею пользоваться этими картами.

Надежда показала синюю линию и точку назначения.

— Хорошо, что кто-то знает, — сказала Евгения.

— Я ничего не знаю. Только вижу маршрут.

— Иногда и этого достаточно.

Когда автобус повернул, папка соскользнула с колен Евгении. Надежда поймала ее прежде, чем листы рассыпались. Сверху оказалась школьная справка с печатью. Она успела прочитать слово «отсутствовала» и дату, но Евгения быстро забрала бумаги.

— Спасибо.

Надежда не стала спрашивать о справке.

За городом дождь кончился. Солнце пробивалось через низкие тучи и освещало мокрые деревья. Павел рассказывал Алине, почему строительным сметам нельзя доверять без независимой проверки. Алина слушала с интересом, хотя едва ли разбиралась в теме.

Глеб время от времени вставлял замечания о пользе отдыха.

— Иногда человеку надо перестать постоянно защищаться, — сказал он. — Хотя бы неделю.

— А если на него действительно нападают? — спросила Надежда.

— Тогда защита необходима. Но многие принимают обычные слова за нападение.

— И как отличить одно от другого?

— Надеюсь, здесь нас научат.

Он улыбнулся. Спорить с таким ответом было не о чем.

— Вы сами бывали на таких программах?

— В похожих. Раньше занимался страховыми случаями, теперь консультирую по конфликтам.

— А я внутренний аудитор.

— Значит, у нас общий недостаток: привычка искать несоответствия.

Надежда посмотрела на него чуть дольше, чем требовалось. Глеб мог сделать вывод по ее вопросам. И все же замечание прозвучало как заранее подготовленная характеристика.

— Почему недостаток?

— Если не умеешь вовремя остановиться.

Он откинулся на сиденье и закрыл глаза, завершив разговор без усилия.

Надежда достала телефон. Денис написал: «Ты уже уехала?» Через десять минут пришло второе: «Когда вернешься, напиши, пожалуйста».

Она ответила: «Девятнадцатого».

Он почти сразу прислал: «Понял. Береги себя».

Та же фраза, что после суда. После того как она прочитала на сайте подробности их ссоры, каждое нейтральное сообщение Дениса казалось намеком.

Она могла спросить прямо: рассказывал ли он кому-нибудь о разбитой кружке? Но представила его ответ. «Нет, не рассказывал». Или: «Да, упоминал случайно». Ни то ни другое не объясняло, почему сведения попали в психологическое заключение. Более того, он мог воспринять вопрос как очередное обвинение.

Она убрала телефон.

Впереди Арсений наклонился к водителю и сказал что-то вполголоса. На панели мигнул навигатор.

— Ремонт на развязке? — спросил Павел. — Старую трассу перекрывали.

— Маршрут согласован, — ответил Арсений.

— Я только предупредил.

— Спасибо.

Надежда отметила слово «согласован». С кем и когда — неизвестно, зато вопрос считался закрытым.

***

Остановка была на заправке с небольшим кафе. Арсений объявил пятнадцать минут. Люди вышли размять ноги, потянулись к кофейному автомату. Внутри пахло выпечкой и горячим пластиком кофейных крышек.

Надежда позвонила матери.

— Ты уже там?

— Нет, еще едем. Все нормально.

— Кто с тобой?

— Восемь участников. Примерно моего возраста, есть старше.

— А психолог с вами?

— Нет, сопровождающий.

— Мне не нравится, что вы в лес едете. Ты проверила организацию?

— Регистрационные данные проверила. Адрес отправила.

— Регистрационные данные могут быть у кого угодно. Там хотя бы связь есть?

— Сейчас есть.

— А потом?

Надежда посмотрела на дорогу, за которой стоял мокрый лес.

— Обещали через администратора.

Мать помолчала.

— Ты взрослая. Я не собираюсь запрещать. Только не надо доказывать кому-то, что можешь справиться сама.

Это было неожиданно точное замечание. Надежда собиралась возразить, но вместо этого сказала:

— Я пришлю фотографию, когда приеду.

После разговора отметила свое местоположение и отправила подруге Кате. Та ответила: «Ты уверена, что это не секта?» Надежда написала: «Я буду на связи». Кате не понравилась неопределенность; она прислала еще три вопроса подряд.

Надежда не ответила. В кафе она увидела Евгению, которая пыталась расплатиться и никак не могла найти карту. Чтобы не задерживать очередь, Надежда купила ей чай.

— Я верну деньги, — быстро сказала Евгения.

— Не надо, это мелочь.

— Я не люблю быть должной.

— Тогда когда-нибудь угостите другого.

Евгения посмотрела на нее внимательнее.

— Вы как учитель говорите.

— Это вы учитель.

Женщина едва улыбнулась.

Они отошли к окну. Арсений стоял у автобуса и говорил по телефону, отвернувшись от остальных.

— Вы сказали в машине, что у вас спрашивают, уверены ли вы в своих словах, — начала Надежда. — Простите, если это личное.

Евгения держала стакан двумя руками.

— В школе одна история была. С детьми. Теперь все считают, что я должна была что-то предотвратить.

— Что именно?

— Если объясняю, говорят: оправдываюсь. Если молчу, говорят: признаю. Удивительно, как быстро отсутствие ответа становится ответом.

Она посмотрела на отражение заправочной станции в стекле.

— Иногда думаю, проще согласиться. Сказать им то, чего они ждут.

— Даже если это неправда?

— Даже если меня там не было.

Надежда вспомнила слово на справке.

— Если вас там не было, это же можно доказать.

Евгения опустила взгляд.

— Я думала, да.

Арсений позвал пассажиров. Евгения первой направилась к выходу, оставив недопитый чай на столике.

***

После остановки дорога пошла через небольшие поселки. Край асфальта местами осыпался, у остановок стояли люди с пакетами, на воротах домов висели объявления о продаже. Надежда проверила карту: до места оставалось около часа.

В автобусе стало душно. Алина задремала, прижав сумку к боку. Павел читал новости, громко вздыхая. Евгения смотрела перед собой, не замечая пейзажа.

Арсений поднялся у первого ряда.

— Через сорок минут будем на месте. Вы получите ключи и схему территории, отдохнете, затем познакомитесь с психологами. Питание включено. Важный момент — цифровой отдых.

Он говорил негромко, но в салоне все замолчали.

— После регистрации телефоны предлагается помещать в индивидуальные сейфы на стойке. Пользоваться ими можно утром с восьми до девяти и вечером с семи до восьми. При необходимости связаться с близкими в другое время поможет дежурный сотрудник.

— Мне по работе могут позвонить в любое время, — сказал Павел.

— Передайте контакт центра.

— А если хочу просто позвонить жене?

— Объясните администратору ситуацию, найдем решение.

— То есть разрешение спрашивать?

Арсений чуть улыбнулся.

— Это договоренность о режиме, а не наказание. Телефон ваш, мы его не отбираем.

Надежда вынула распечатанные правила.

— В договоре сказано «рекомендуется ограничить использование». Не сказано «сдать на хранение».

— Верно. Это рекомендация.

— Значит, можно оставить у себя?

— Можно обсудить индивидуальный режим с психологом.

— А если не обсуждать?

Арсений посмотрел на нее с тем же выражением, что при встрече.

— Надежда Сергеевна, никто не может заставить вас отдать личную вещь. Но участие подразумевает уважение к общему процессу.

— Это разные вопросы. Конфиденциальность остальных и мой телефон.

— Согласен. Обязательно разберем.

Он повернулся к остальным.

— Просим не снимать групповые упражнения и других участников без их согласия.

— А диктофоны? — спросила Алина.

— Если устройство может записывать происходящее, его тоже рекомендуем оставить в сейфе.

— Даже старый, без интернета?

— Даже такой.

Алина кивнула и крепче сжала сумку. Надежде показалось, что вопрос она задала не из праздного любопытства.

Павел откинулся на сиденье.

— Если они дают неделю сна, могу два телефона сдать. Но за стройку не отвечаю.

Глеб улыбнулся:

— Иногда полезно, чтобы мир попробовал прожить семь дней без нас.

Надежда не спорила. Каждый новый ответ делал отказ чуть более неудобным, хотя запрета никто не произносил.

За следующим поворотом мелькнула вода. Не пруд и не лесное озеро, а широкий водоем, над которым висело низкое серое небо. Автобус свернул на узкую дорогу, окруженную соснами.

Сигнал сотовой связи начал пропадать. Синяя точка на карте двигалась рывками. Надежда сохранила снимок экрана, но новый запрос уже не загрузился.

— Мы сейчас здесь? — спросила Евгения, показывая на телефон Надежды.

— Примерно.

— У меня совсем ничего не работает.

— Возможно, вышка далеко.

Евгения кивнула, но не успокоилась. Она достала папку и проверила, на месте ли справки.

На развилке автобус не свернул к дороге, которую Надежда видела на спутниковой карте. Он поехал прямо, мимо старых бетонных столбиков.

— А южный въезд закрыт? — спросила она Арсения.

Он обернулся.

— Служебный.

— Но ведет к тем же зданиям?

— К хозяйственной части.

— А мы через северный?

— Да.

— Там свободный проезд?

— Шлагбаум. Проезд по разрешению.

Она не стала задавать следующий вопрос. До места оставалось меньше десяти минут.

Шины зашуршали по влажному гравию. У дороги появился знак «Частная территория». Впереди стояла будка с желтой лампой и металлический шлагбаум. Водитель остановился. Арсений вышел, обменялся словами с охранником. Перекладина поднялась.

— Серьезная охрана, — заметил Павел.

— Посторонние иногда заходят из леса, — пояснил Арсений. — Так безопаснее.

— А пешком выйти можно? — спросила Надежда.

— Конечно. Проходная открыта для проживающих.

— Круглосуточно?

— Вне обычных часов нужно предупредить дежурного.

Она записала это в заметках. «Можно выйти» и «нужно предупредить» стояли рядом. Пока не противоречили друг другу. Вопрос был лишь в том, что случится, если не предупреждать.

За шлагбаумом дорога неожиданно стала ровной. С обеих сторон выросли аккуратные фонари. Среди сосен показались длинные деревянные корпуса с большими окнами. Один стоял на холме, другой ниже, ближе к воде. Между ними тянулась каменная аллея. У правой развилки виднелась сетчатая калитка, за которой ступени уходили к берегу.

Алина прижалась к стеклу.

— Красиво.

И правда было красиво. Без рекламной сладости: мокрый лес, темная вода, туман на другом берегу. Сюда можно было бы приехать добровольно, даже ничего не зная о программе.

Автобус остановился перед крыльцом в тринадцать двадцать восемь.

***

В холле пахло печеными яблоками и свежим деревом. За стойкой регистрации стояли две женщины, одна с планшетом, другая с конвертами. На стене висела схема эвакуации, рядом — часы. Из гостиной открывался вид на воду через высокие окна.

Женщина по имени Инна сверила паспорт Надежды, вернула его и выдала карточку комнаты.

— Номер двести четыре, второй этаж, правое крыло. Вы будете проживать одна. Обед через десять минут. Первое знакомство в шестнадцать часов.

Надежда раскрыла конверт. Там лежали расписание, схема этажей и дополнительный лист правил. Пятый пункт гласил: «Для полноценного участия в программе участник добровольно передает средства личной связи в индивидуальный сейф».

Она показала строку Инне.

— В договоре было «рекомендуется». Здесь написано как обязательное действие.

— Это наш внутренний распорядок.

— Значит, если не сдам телефон, меня не допустят на занятия?

— Мы предложим обсудить вопрос с координатором.

Надежда ощутила взгляды за спиной: она задерживала очередь.

— Я не отказываюсь от конфиденциальности. Хочу понять, кто принимает решение.

— Конечно. Мы рады, когда участники задают вопросы.

Из глубины холла вышел мужчина в темно-синем свитере поверх светлой рубашки. Лицо открытое, волосы чуть тронуты сединой. Он шел спокойно, без начальственной тяжести.

— Добрый день, — сказал он. — Михаил Кедров, руководитель центра. У вас вопрос по правилам?

— Разные формулировки в договоре и памятке, — ответила Надежда.

Он взял лист, внимательно прочел.

— Вы правы. Договор объясняет рекомендацию, памятка описывает наш привычный порядок. Следовало написать яснее.

— То есть телефон могу оставить?

— Конечно. Можете и отказаться от занятий, если условия покажутся неподходящими. Но я бы предложил сначала попробовать понять, почему привычная связь с внешним миром для нас так важна.

— Потому что там моя жизнь.

— Это вполне достаточный ответ. Не будем задерживать других. Располагайтесь. До вечера у вас время решить.

Он не усмехался и не пытался ее осадить. Надежде стало неловко от собственного подозрения. Она ждала грубости, а получила признание неточной формулировки.

При этом ни одно правило не изменилось.

Она взяла ключ и поднялась по лестнице.

***

Комната оказалась простой: кровать с серым покрывалом, стол, шкаф, графин воды и два стакана. Окно выходило на боковую дорожку, за которой стояли сосны. В промежутках между стволами виднелось водохранилище.

Надежда проверила замок: изнутри дверь открывалась без карточки. В ванной была горячая вода, на стене — инструкция по пожарной безопасности.

Ничего угрожающего.

Она поставила чемодан и достала телефон. Сеть ловилась у окна, но фотография для матери не отправилась с первого раза. Надежда повторила попытку. Затем открыла карту, чтобы увидеть путь до ближайшего поселка. Сервис показывал лесную дорогу и развилку, но связь снова оборвалась.

Надежда сохранила снимок, прежде чем приложение закрылось.

В дверь постучали.

На пороге стояла Алина.

— Простите, у вас нет булавки? Подкладка у сумки разошлась. Не хочу, чтобы все высыпалось.

Надежда нашла дорожный швейный набор. Алина взяла булавку и благодарно улыбнулась.

— Вы спасли мое имущество.

— Вы почему приехали? — неожиданно спросила Надежда.

— Учиться говорить «нет». — Алина усмехнулась. — Представляете? Поехала к незнакомым людям, которые просят нас отдать телефоны, чтобы научиться отказывать.

— Пока никто не заставляет.

— Пока.

Она закрепила боковой шов и застегнула сумку.

— Вы смелая. В автобусе всем задавали вопросы.

— Это не смелость. Профессиональная привычка.

— У меня такой нет. Я сначала говорю «да», потом долго думаю, чего от меня хотели.

После ее ухода Надежда стояла у закрытой двери. В разговоре обнаружилась знакомая закономерность: люди приезжали менять привычки, но с первых минут повторяли их.

***

На обеденном столе для восьми участников лежали карточки с именами. Место Надежды оказалось между Евгенией и Глебом. Она села, не пытаясь угадать смысл рассадки.

Подали суп, рыбу и овощи. Павел похвалил кухню и сказал, что за такие деньги — то есть даром — готов простить даже отнятый телефон.

Глеб заговорил о первом впечатлении.

— Место должно перестать быть чужим. Тогда человеку проще перестать обороняться.

— А если место чужое и есть? — спросил Павел.

— Тем важнее дать ему шанс.

Надежда переставила стакан.

— Бывает, что чувство опасности возникает не из-за травмы, а потому что что-то действительно не так.

— Конечно, — согласился Глеб. — Важно не перепутать.

Его готовность соглашаться раздражала. С таким собеседником спор превращался в попытку доказать, что у тебя вообще есть позиция.

Евгения ела мало. Она то и дело оглядывалась к двери.

— Что-то не нравится? — тихо спросила Надежда.

— Наоборот. Все так спокойно, что не знаю, как себя вести.

— Разве для этого нужны правила?

— Для меня, наверное, да.

Она покрутила ложку.

— Когда долго объясняешься, привыкаешь заранее искать правильный ответ.

Надежда не стала спрашивать, перед кем ей приходилось объясняться.

После обеда участников пригласили к сейфовым ячейкам в холле. Металлические дверцы были встроены в деревянный шкаф. Инна объяснила, как устанавливать личную комбинацию. На случай потери кода существовал резервный ключ, который, по ее словам, использовали только в присутствии владельца.

Павел сдал два телефона, предупредив, что если стройка встанет, центр получит счет за простой. Глеб положил свой аппарат в ячейку без колебаний. Евгения отошла к окну и долго отправляла сообщения, прежде чем выключить телефон.

Алина достала старый кнопочный аппарат.

— Этот тоже надо?

— Если средство связи, рекомендуем оставить.

— Там почти ничего нет.

— Тогда тем легче без него обойтись.

Алина помедлила, затем убрала его в мягкий пакет. Сумка осталась у нее на плече. Надежда видела, как девушка проверила пальцами боковой шов.

Когда подошла ее очередь, Надежда сказала:

— Я пока оставлю телефон.

Инна заглянула в планшет.

— Вы обсудили это с Михаилом Андреевичем?

— Да. Он сказал, что решение за мной.

— Хорошо. Только просим не снимать занятия и других участников.

Надежда пообещала не снимать. Инна отметила что-то в списке, и разговор закончился.

Уступка далась так легко, что Надежде захотелось извиниться за неудобство. Она знала это чувство. Стоило добиться своего, как возникала потребность доказать окружающим, что ты не конфликтный человек.

Она не извинилась.

***

К четырем часам восемь участников собрались в небольшой комнате с окнами во внутренний двор. Стулья стояли полукругом, дверь оставалась открытой. Оксана Белецкая встречала людей у входа.

— Надежда, рада видеть вас лично.

— Добрый день.

— Удалось отдохнуть?

— Немного.

— Не будем сегодня перегружать группу.

Оксана не заговорила о странном заключении, и Надежда тоже решила отложить вопрос до личной беседы.

Психолог объяснила основные принципы: никто не обязан рассказывать о личном, можно отказаться от упражнения, можно покинуть комнату, если становится тяжело.

— Но есть тонкость, — добавила она. — Иногда мы уходим, потому что наши границы нарушают. А иногда — потому что встречаемся с неудобной правдой о себе. Наша задача — учиться отличать одно от другого.

Надежда записала фразу. Она звучала правильно, но не отвечала на главный вопрос: кто решит, когда человек защищает границу, а когда бежит от правды?

Каждый назвал свое имя и ожидание. Павел хотел спать без рабочих звонков. Алина — научиться отказывать. Евгения сказала: «Хочу понять, за что на самом деле отвечаю». Глеб надеялся научиться слушать без оценки. Еще трое говорили коротко: о выгорании, усталости и прошлых ошибках.

Надежда произнесла:

— Хочу перестать считать любую ссору доказательством моей вины.

Оксана кивнула.

— Спасибо. Это конкретная цель.

В дальнем углу сидел Кедров. Он сделал пометку в блокноте, не вмешиваясь.

Затем участникам предложили выбрать карточку со словом, которое они чаще всего говорят себе в тяжелой ситуации. На столе лежали «должна», «виновата», «стыд», «ошибка», «поздно», «нельзя».

— Можно ничего не выбирать? — спросила Надежда.

— Конечно.

— Тогда я не выберу.

Оксана не возразила, но через несколько минут спросила, каково ей быть единственной без карточки.

— Как человеку, который не захотел карточку.

Несколько участников улыбнулись. Надежда почувствовала неловкость: отказ вдруг стал отдельной темой, хотя сам по себе ничего не означал.

— Хорошо, — сказала Оксана. — Просто запомним.

После занятия Надежда подошла к ней.

— Мне нужен ответ по утреннему документу. Откуда вы взяли информацию о кухне и кружке?

Оксана дождалась, пока последние участники выйдут в коридор.

— Я выяснила, что в маршрут попали дополнительные сведения, которые не следовало включать без проверки. Формулировку исправили.

— Это я видела. Но кто источник?

— Материалы, полученные при предварительном подборе участников.

— От кого?

— Должна проверить порядок получения.

— Вы говорите так, будто меня проверяли до моего согласия.

Оксана ненадолго опустила взгляд.

— Надежда, я понимаю ваше беспокойство. Вы можете подать письменный запрос о персональных данных. Мы его рассмотрим.

— Я подам сегодня. И хочу знать, сохранилась ли исходная версия заключения.

— Журнал изменений должен существовать.

— Должен или существует?

— Я уточню.

На этом они расстались. Надежда не получила ни одной фамилии, но получила признание, что документ содержал сведения из дополнительных источников. Это была уже не простая техническая ошибка.

***

До вечернего занятия оставалось время. Надежда вышла из корпуса и пошла по дорожке к воде. Небо вновь затянуло тучами; мелкий дождь оседал на волосах, не требуя зонта. У берега ветер шел вдоль поверхности воды, оставляя темные полосы.

Калитка к деревянным ступеням была закрыта на замок. На табличке значилось: «Береговая зона. Доступ с сопровождающим».

Надежда повернула к главному въезду. Через семь минут она дошла до охранной будки. Рядом со шлагбаумом была пешеходная калитка. Мужчина в куртке поднял голову.

— Добрый вечер. Где отсюда выход в поселок?

— Через нас, — ответил охранник. — А вам зачем?

— Хочу знать, как добраться самостоятельно.

— Автобус в день отъезда будет. Если раньше, администратор такси вызовет.

— А пешком пройти можно?

— Можно. Далеко только. Обочины почти нет, особенно вечером не советую.

Надежда указала на калитку.

— Она заперта?

— Нажмите кнопку изнутри.

Она нажала. Замок щелкнул. Надежда приоткрыла створку и увидела ту самую лесную дорогу, по которой они приехали. За воротами не было никого.

— Спасибо.

— Если надумаете уходить, скажите на стойке, — попросил охранник. — Чтоб не искали.

Надежда закрыла калитку. Возможность уйти существовала не только в документах. Это успокаивало.

И все же она заметила, что охранник не спросил, как ее зовут. Он уже видел карточку на ее куртке, а может быть, получил список людей, которым позволено выходить. Обычная система безопасности. Ничего больше.

По дороге назад она встретила Глеба. Он стоял у аллеи, держа руки в карманах.

— Нашли выход? — спросил он.

— Почему вы решили, что я искала выход?

— Видел, как вы шли к проходной. Догадался.

— А если бы не искала?

— Значит, ошибся бы.

Она собиралась пройти мимо, но остановилась.

— Вы всегда так внимательно наблюдаете за людьми?

Глеб чуть улыбнулся.

— Раньше это было частью работы. Не принимайте на свой счет. Вы, кажется, не любите, когда кто-то объясняет за вас ваши поступки.

Надежда взглянула на него. Это было точное описание того, что она чувствовала весь день. Слишком точное, чтобы стать утешением.

— Спокойной ночи, — сказала она.

— До завтра.

***

В комнате появилась устойчивая связь. Надежда отправила матери фотографию водохранилища и сообщение: «Приехала, поселили, все нормально». Катя прислала голосовое про рабочий скандал и спросила, вкусно ли тут кормят. Надежда улыбнулась. После нескольких часов среди людей, говорящих о чувствах исключительно правильными словами, обычная болтовня казалась роскошью.

Она достала записную книжку и выписала факты.

«Арсений: телефоны по расписанию, но якобы добровольно».

«Инна: памятка отличается от договора».

«Кедров: признал разницу, не потребовал телефон».

«Оксана: есть дополнительный источник сведений обо мне».

«Проходная: калитка открывается изнутри».

По отдельности пункты не говорили об опасности. Вместе же складывались в систему, где ограничения подавали как просьбы, а протест становился поводом для психологического разбора.

Надежда посмотрела на время. До следующей встречи оставалось двадцать минут. Она решила проверить путь к поселку, пока интернет работает.

Приложение открылось быстро. Синяя точка стояла возле главного корпуса. Надежда ввела название ближайшего поселка. На экране появилась линия: сначала по аллее до шлагбаума, затем по лесной дороге, потом к трассе. Она сделала снимок экрана.

Следом приложение предложило обновить карты области. Надежда разрешила.

Экран мигнул. Синяя линия исчезла.

Она повторила запрос. Вместо маршрута появилось сообщение: «Не удалось построить маршрут».

Надежда увеличила масштаб. Корпус, соседнее здание и берег оставались на своих местах. Но дорога к центру теперь обрывалась за несколько километров до шлагбаума. На спутниковой подложке светлая полоса между деревьями была видна; на обычной схеме ее больше не существовало.

Она выключила и включила приложение. Ничего не изменилось.

Причина могла быть прозаической: обновление базы, ошибка картографа, отсутствие покрытия. Надежда знала, что цифровые карты ошибаются. Она не собиралась делать из этого загадку.

Но первый снимок экрана показывал дорогу.

Второй — пустоту там, где она только что прошла.

За окном по дорожке прошел человек с фонарем. Луч ненадолго скользнул по стеклу. В коридоре прозвучал мягкий сигнал, приглашая на вечернюю встречу.

Надежда сохранила оба снимка в отдельную папку. Потом раскрыла блокнот и написала: «Маршрут до центра. Был на карте, после обновления исчез. Проверить по другой карте».

Утром кто-то исправил рассказ о ее прошлом, составленный без ее ведома. Теперь она видела, как исчезает путь к месту, где находилась.

Она пока не считала эти события связанными.

Но впервые за день ей захотелось сохранить доказательство не только чужих слов, но и собственной дороги.

Глава 3. Нулевая вина

Когда Надежда спустилась к вечернему залу, она обнаружила у двери корзину с восемью маленькими конвертами.

На каждом было имя участника. Свой конверт она узнала по ровным печатным буквам и привычному уже обращению «Надежда Сергеевна». Внутри лежала белая карточка с единственным словом: «Ноль».

Она повертела ее, ожидая увидеть пояснение на обороте. Оборот был чистым.

— Что это? — спросила она у Алины, подошедшей следом.

— Мне тоже дали. Я думала, номер группы, но у всех одинаковый.

Алина показала карточку, не вынимая ее из конверта. Внизу уголка виднелась едва различимая отметка карандашом: буква «А» или начало какого-то знака.

— Может, нужно оценить самочувствие? — предположила Надежда.

— Тогда я сегодня скорее минус три.

Алина улыбнулась, но взгляд быстро скользнул к лестнице. Оттуда спускался Павел с кружкой чая и растерянным выражением лица.

— Кто знает, что означает «ноль»? — спросил он. — Если это оценка моего состояния, я возражаю. На двойку точно наработал.

У входа стояла Оксана Белецкая, ведущая группы. Она попросила не обмениваться карточками и сохранить их до конца занятия.

— Сегодня мы начинаем с нулевой вины, — сказала она. — Чуть позже поговорим, что это означает.

Надежда положила конверт в карман. После исчезновения дороги с карты Надежда не спешила принимать новые символы на веру.

В зале изменили расстановку. Вчера днем стулья стояли полукругом; теперь образовывали замкнутый круг без столов и ширм. Возле окна стоял низкий комод с часами и графином. На стене появилась большая рамка с текстом: «Никто не знает вашу историю лучше вас».

Надежда прочитала фразу и едва заметно усмехнулась. Всего несколько часов назад выяснилось, что сотрудникам центра известны подробности ее семейной ссоры, которых она сама не сообщала. Возможно, плакат был совершенно искренним. От этого он не становился менее странным.

Кедров вошел последним. Он не нес папки, не проверял телефоны, не требовал убрать блокноты. На нем были темные брюки и мягкий серый джемпер. Если бы Надежда встретила его в кафе за городом, приняла бы за преподавателя или хозяина небольшого гостиничного бизнеса. Он сел на свободный стул между Глебом и Миланой.

— Добрый вечер, — сказал он. — Спасибо, что приехали. Дорога у каждого была своя, но мне хочется начать с простого уточнения: никто из вас не обязан оставаться здесь только потому, что уже проделал путь.

Надежда заметила, что Павел одобрительно кивнул.

— Вы можете выйти из занятия, отказаться от упражнения, задать неприятный вопрос или уехать. Мы не будем убеждать вас, что отказ означает слабость. Однако есть отличие между свободой отказаться и привычкой отказываться раньше, чем понял, что тебе предлагают.

Последняя фраза прозвучала так же ровно, как первая. Ни намека на нажим.

— Вы получили карточку с нулем, — продолжил он. — Она означает простую вещь: сегодня мы не распределяем вину. Не выясняем, кто прав в вашей семье, кто был виноват на работе, кто кого подвел. Мы исходим из нуля. Ни один человек в этой комнате не пришел сюда с долгом перед остальными.

— А если человек и правда виновен? — спросил Павел.

— Тогда это выясняется фактами, а не тем, что он первым себя осудил.

Надежда подняла глаза. Ей захотелось записать эту фразу, но она удержалась: Кедров произносил ровно то, что ей самой было важно услышать. В такой момент слишком легко перепутать совпадение принципов с доверием.

— А почему тогда программа называется «Добровольно»? — спросила Милана, до этого молчавшая.

Милана приехала отдельно, незадолго до обеда. В ней было что-то от людей, привыкших долго ждать в приемных и при этом никому не объяснять, зачем они пришли. Черные волосы собраны туго, рукава свитера натянуты до ладоней. Она смотрела на говорящего не в лицо, а немного ниже, на горло.

— Потому что чужое признание ничего не стоит, — ответил Кедров. — Если я скажу вам, в чем вы виноваты, это будет мое утверждение. Если вы сами назовете то, что действительно сделали, появится шанс что-то изменить.

— А если я ничего не назову?

— Это тоже выбор.

— И программа не закончится для меня?

— Отказ не является основанием для наказания.

Милана не выглядела удовлетворенной.

— Вы сказали «наказания». Я о нем не спрашивала.

На секунду в круге стало тихо. Кедров кивнул.

— Верно. Это слово принес я. Значит, оно остается моей ответственностью.

Надежда неожиданно почувствовала симпатию к нему. Он не боролся за последнее слово. Не пытался переиграть Милану, хотя мог. Умение признавать собственную неточность выглядело зрелостью.

Потом она подумала: признавать безвредную неточность куда легче, чем отвечать на вопрос об источнике чужих личных данных.

Оксана предложила каждому положить белую карточку перед собой, лицевой стороной вверх.

— Сегодня ваша задача — не искать страшных событий, — сказала она. — Попробуйте заметить, как тело реагирует на слово «вина». Не объяснять реакцию, не исправлять, а просто заметить.

Глеб положил карточку сразу. Павел показал ее соседям, шутливо вздохнул и опустил на колени. Евгения долго не доставала свою. Наконец вытащила карточку из конверта двумя пальцами, словно боялась испачкать.

Надежда заметила на ее правой руке тонкую белую полоску пластыря.

— Укололись? — шепотом спросила она.

— Бумагой порезалась.

Евгения спрятала руку под локоть.

Роман, сидевший напротив, положил свою карточку оборотной стороной вверх. Кедров не указал на это. И Надежда невольно отметила: здесь действительно позволяли небольшие отклонения, но все эти отклонения кто-нибудь видел.

***

Первое упражнение было почти безобидным. Каждый по очереди завершал фразу «Когда меня обвиняют, я...».

Павел сказал: «Сразу ищу, кто подписал акт». Все засмеялись, включая его самого.

Алина призналась, что сначала соглашается, а уже дома вспоминает, что хотела возразить. Милана сказала: «Ухожу». Роман долго молчал, потом произнес: «Начинаю объяснять так много, что сам себе перестаю верить».

— А вы, Надежда? — спросила Оксана.

— Проверяю, на чем основано обвинение.

— И если оснований нет?

— Не принимаю.

Оксана кивнула.

— Звучит как полезная способность.

Надежда почувствовала облегчение, совершенно несоразмерное короткому ответу. Сотрудник центра подтвердил ей право проверять факты. После этих слов она невольно стала относиться к Оксане мягче.

— Но бывает, — добавила психолог, — что доказательства есть, а мы их не замечаем, потому что слишком страшно признать ошибку.

— Конечно, — сказала Надежда. — Поэтому доказательства и надо проверять.

— Согласна.

Диалог на этом закончился. Никто не возразил.

Евгения заговорила только после долгой паузы.

— Когда меня обвиняют, я стараюсь вспомнить, что произошло.

— Разве это трудно? — спросил Павел и сразу поднял руку. — Извините. Не хотел так говорить.

— Иногда трудно, — ответила она.

— В каком смысле? — тихо спросила Оксана.

— В прямом. Люди описывают событие, а я вспоминаю другие вещи. Не то, что они рассказывают. Мне говорят, что я вытеснила подробности, но я не знаю, как отличить вытеснение от того, чего никогда не было.

Она говорила, не глядя на Кедрова. Все ее внимание было приковано к карточке с нулем.

— Сегодня нам необязательно выяснять это, — сказала Оксана. — Достаточно заметить, что неопределенность вызывает сильное напряжение.

Евгения кивнула, но продолжала разглядывать карточку.

Кедров дождался, пока все выскажутся.

— Знаете, что объединяет ваши ответы? — спросил он. — Каждый пытается сохранить ощущение контроля. Кто-то спорит, кто-то объясняет, кто-то молчит. Ни один способ не плох сам по себе. Но что, если на этой неделе мы разрешим себе не защищать привычную роль?

Надежда почувствовала, как в ней откликается эта формулировка. После развода она именно так и жила: роль бывшей жены, которая должна объяснять, почему не удержала семью; роль сотрудника, обязанного доказывать, что его сомнения не мешают делу. Возможность на несколько дней перестать что-то доказывать казалась почти подарком.

И вместе с тем слово «роль» могло отменить любую разумную позицию. Назовите требование доказательств защитной ролью — и уже не придется отвечать на вопрос, почему документ изменили.

Она написала в блокноте: «Разница между защитой и защитной ролью — кто определяет?»

Кедров заметил движение ручки.

— Хотите поделиться?

— Не сейчас.

— Хорошо.

Он действительно не настаивал.

После этой короткой сцены Надежда ощутила себя одновременно свободнее и более видимой. Ее отказ приняли. Теперь его запомнили все присутствующие.

***

В перерыве участникам предложили травяной чай. На столе у окна стояли прозрачные чашки, термосы, сухое печенье и миска с яблоками. Ничего, что могло бы подтвердить опасения Надежды: ни биодобавок, ни подозрительных порошков.

Павел подошел к ней с двумя чашками.

— Вы на работе так же спорите?

— Не спорю. Спрашиваю.

— Для начальства одно и то же. — Он передал чай, не дожидаясь просьбы. — У нас прораб спрашивал, почему накладные не сходятся. Через месяц его перевели на другой объект. Угадайте, в чем его обвинили.

— В конфликтности?

— В неспособности работать в команде. Вот я и думаю, что вы правы. Только иногда правоты для работы недостаточно.

Надежда поставила чашку на подоконник.

— А зачем вы приехали, кроме желания выспаться?

Павел посмотрел на нее внимательнее.

— Чтобы понять, не пора ли мне самому перестать считать себя приличным человеком.

— Из-за стройки?

— Из-за того, как я иногда с людьми поступаю.

Он быстро улыбнулся, превратив серьезность в шутку.

— Но это уже разговор на платной консультации.

Сзади подошел Глеб.

— Мне понравилось, как Кедров ответил про доказательства. Не каждый психолог так скажет.

— Кедров не психолог, — заметила Надежда.

— Он руководитель программы. Разве это меняет смысл?

— Меняет, если мы говорим о квалификации.

Глеб посмотрел на нее без раздражения.

— В этом вы совершенно последовательны.

— Вы произносите это так, словно моя последовательность — симптом.

— Я сказал комплимент.

— Тогда, вероятно, я неправильно услышала.

Он не стал спорить. Повернулся к Павлу, заговорил о дороге, которую предстоит преодолеть обратно через неделю. Надежда отошла к окну.

Во дворе человек в темной куртке проверял фонари вдоль дорожки. Отсюда было видно главное крыльцо, аллею к корпусам, часть забора и небольшой металлический шкаф на столбе. Сначала она решила, что в нем распределитель электричества. Потом заметила тонкий кабель, идущий к камере над входом.

Камера была обычной, с небольшим козырьком. Других таких устройств она не искала. Система наблюдения в загородном центре могла быть необходима для безопасности. Но после вопроса о запрете личной съемки Надежде захотелось знать, кто и как записывает ее саму.

Вернувшись к столу с чаем, она спросила у Оксаны:

— У вас видеонаблюдение только снаружи?

— В общих проходах и на территории. В жилых комнатах камер нет.

— А в зале?

— Занятия могут записываться по отдельному согласию. Вы от записи отказались, верно?

— Да.

— Тогда ваш отказ должен соблюдаться.

— «Должен» — не то же самое, что «соблюдается».

Оксана внимательно посмотрела на нее.

— Это справедливое замечание. Перед началом занятий мы объявляем, ведется ли запись. Если вы не согласны, вас не будут снимать.

Надежда кивнула. Она не хотела, чтобы ее вопросы превратили в однообразную черту характера. Но гладкие ответы сотрудников не снимали ее вопросов.

Она вернулась на место еще до окончания перерыва.

***

Вторая часть вечера началась с разговора не о вине, а о памяти.

Оксана вынула из папки восемь одинаковых листов и попросила написать короткий эпизод, в котором участник был уверен, что помнит событие верно, а другой человек рассказывал его иначе. Без имен и интимных подробностей. Никто не обязан был зачитывать написанное.

Надежда сразу вспомнила кружку. Она возвращалась к ней столько раз, что воспоминание напоминало многократно переписанную запись: детали стирались, а уцелевшие казались все убедительнее. Она видела голубую глазурь, воду на кафельном полу, босые ноги Дениса. Иногда ей представлялось, что кружка выскользнула из ее собственной руки. Иногда — что он смахнул ее со стола, когда повернулся к выходу.

Однажды она попыталась восстановить последовательность по обычным следам. Если кружку разбил Денис, на кафеле мог остаться след от удара с другой стороны. Но осколки выбросили давно, а фотографии не сделали. Она не любила эту неопределенность. И одновременно считала ее важной. Если нет фактов, нельзя просто выбрать ту версию, в которой легче жить.

На листе она написала: «Предмет разбился во время ссоры. Не помню, кто его уронил. Вторая сторона утверждала, что это сделала я».

Затем остановилась.

Денис не утверждал этого прямо. Он говорил, что Надежда «все разбила» — и мог иметь в виду отношения, не кружку. Она зачеркнула второе предложение и заменила: «Я позднее истолковала его слова как обвинение».

Теперь запись была точнее, но выглядела беззащитной. Первое предложение прямо признавало пробел в памяти; второе — ошибку интерпретации. Если кто-нибудь прочтет их без контекста, легко решит, что Надежда сомневается вообще во всем.

Она перевернула лист лицом вниз.

Оксана предложила не пересказывать сами эпизоды, а назвать чувство, возникшее при записи. Павел сказал: «Раздражение». Алина — «Стыд». Роман ответил: «Желание порвать бумагу». Милана отказалась говорить.

— Мне стало легче, — неожиданно призналась Зоя.

— Почему? — спросила Оксана.

— Я написала о споре с сестрой. Сначала вспомнила, что она кричала. Потом — что и я тоже. Раньше я думала, если признаю это, придется согласиться со всем, что она мне тогда сказала. А сейчас вижу, что одно не обязательно означает другое.

Кедров слегка наклонил голову.

— Очень важное различие.

Надежда тоже считала его важным. Зоя не выглядела загипнотизированной или подавленной. Она пришла к простому выводу собственными словами. В этом был смысл групповой работы: услышать, что люди умеют быть неправыми в одной детали и правыми в другой.

«Возможно, я слишком насторожена», — подумала Надежда. Сама мысль принесла усталое облегчение. Ей надоело подозревать каждого, кто говорил с ней вежливо.

Евгения все еще сидела с перевернутым листом. Оксана повернулась к ней:

— Вы хотите что-то добавить?

— Я не написала эпизод.

— Не страшно.

— Я написала три разных варианта, — продолжила Евгения. — И ни один не совпал с тем, что мне рассказывают другие.

— Можно оставить это на сегодня.

— Но если у всех одна версия, а у меня другая, разве это не означает, что моя неверна?

Павел пожал плечами.

— Не всегда. Толпа тоже ошибается.

Евгения посмотрела на него так, словно не ожидала услышать столь простую возможность.

— А если они все были там?

— Тогда надо проверять, кто что видел, — сказала Надежда. — И не был ли кто-то зависим от чужого рассказа.

Оксана кивнула.

— Именно. Но в группе мы не будем расследовать внешние события. Мы учимся замечать, что происходит с нами, когда памяти не хватает.

— Только этого недостаточно, — сказала Надежда. — Когда речь об ответственности, нужны и внешние события.

Кедров не сразу ответил.

— Совершенно верно. Проблема начинается там, где человек делает из невозможности вспомнить вывод о собственной невиновности — или виновности. И то и другое требует проверки.

Он посмотрел по кругу, не задержав взгляд ни на ком.

Евгения медленно убрала лист в конверт. Надежда заметила, что ее пальцы дрожат сильнее, чем накануне в автобусе.

***

После девяти в столовой накрыли небольшой поздний чай. Первый вечер официально завершился, но участников пригласили посидеть вместе без ведущих. Двери холла оставались открыты, сотрудники ходили по коридорам, убирали чашки и поправляли кресла.

Надежда вышла в гостиную. За стеклом ничего не было видно, кроме фонарей и отражений комнаты. Вода исчезла в темноте. У стены стоял книжный шкаф. Несколько томов по психологии соседствовали с путеводителями, шахматным сборником и старым альбомом фотографий окрестностей. Она достала альбом.

На первых страницах были снимки водохранилища летом: деревянный причал, рыбаки на дальнем берегу, тропинка через сосны. На фотографии, датированной пятью годами

раньше, у воды стояло длинное одноэтажное здание с плоской крышей. Сейчас его не было видно из корпуса.

— Этот дом снесли? — спросила она, когда мимо проходила Инна.

Администратор заглянула в альбом.

— Старый хозяйственный корпус? Не знаю точно. Я здесь меньше года.

— А где он стоял?

— Кажется, за техническим участком. Там сейчас персонал работает. Лучше уточнить у заведующего хозяйством.

Надежда вернула альбом на полку. Собственные вопросы уже казались ей подозрительными. Разве необычно, что за годы на территории поменялись постройки?

Возле камина Павел спорил с Глебом о том, можно ли простить человеку ложь, если она никому не причинила прямого вреда. Алина сидела на подлокотнике кресла и слушала. Евгения стояла чуть в стороне, у книжного шкафа, и не брала предложенный чай.

— Вы в порядке? — спросила Надежда.

— Да. Устала.

— Сегодня было много разговоров.

— Мне казалось, будет труднее.

— А оказалось?

Евгения подняла на нее глаза.

— Оказалось, меня никто не заставляет говорить. И это почему-то страшнее.

Надежда молчала. Она знала это ожидание: вопрос для тебя уже приготовили, но еще не задали. Ты начинаешь мысленно отвечать заранее, словно само ожидание превращается в обязанность.

— Я слышала, как вы сегодня сказали, что нужно проверять факты, — продолжила Евгения. — У меня есть справка. Я привезла ее. Там написано, что в тот день я была на работе. Но иногда это вообще ничего не меняет.

— Для кого не меняет?

— Для тех, кто уже решил.

— А для вас?

Евгения посмотрела на свои руки.

— Пока не знаю.

Надежде захотелось сказать, что справка — настоящий документ и он важнее чьих-то обвинений. Но она не знала содержания справки, не знала события и потому не могла поручиться за вывод. Говорить женщине то, что ей хотелось услышать, было бы таким же произволом, как и говорить обратное.

— Сохраните оригинал, — сказала она. — И сделайте копию.

Евгения неожиданно улыбнулась.

— Вы действительно аудитор.

— Это заметно?

— Иногда вы разговариваете так, будто любой человек может оказаться проверкой.

Надежде нечего было возразить. Отчасти Евгения была права.

***

Ночью она долго не засыпала. В комнате работал радиатор, за окном редко проезжала машина, в коридоре кто-то тихо смеялся и разговаривал. Ничего необычного. Но после насыщенного дня каждый звук требовал определения: шаги сотрудника, поздний возвращающийся участник, шум вентиляции.

В десять двадцать она открыла телефон и увидела, что мать звонила дважды. Первый звонок не прошел из-за отсутствия сети. Второй прервался, когда Надежда была на занятии.

Она вышла к окну и набрала номер.

— Ну наконец-то, — сказала мать. — Я уже думала, телефоны собрали.

— У других собрали. Я свой оставила.

— Почему?

Надежда невольно рассмеялась.

— Ты сейчас спрашиваешь, почему я не отдала телефон, хотя именно этого боялась?

— Нет. Я удивляюсь, что тебе разрешили исключение.

— Никто не должен разрешать мне владеть собственной вещью.

— Именно. Поэтому и не нравится мне их порядок.

Мать говорила резко, но знакомо, и от этого Надежде становилось спокойнее.

— Расскажи лучше, как дома, — попросила она.

— Дома ничего нового. Твоя тетя спрашивала, почему ты не пришла на семейный обед. Я сказала, что занята.

— Спасибо.

— Надь, а с Денисом вы созванивались?

— Он спрашивал, когда я вернусь.

— И все?

— Все.

Пауза затянулась.

— Ты ведь не поехала туда, чтобы он пожалел тебя? — осторожно спросила мать.

Надежда опустилась на край кровати.

— Нет, мам.

— Я знаю, что ты сильная.

— Я не хочу сейчас быть сильной. Я хочу неделю не говорить о нем.

Мать вздохнула.

— Хорошо. Тогда не будем. Только обещай, что, если захочешь уйти, уйдешь. Без оглядки на деньги, чужие ожидания и эту их программу.

— Обещаю.

После разговора Надежда записала в блокноте: «Выход через проходную. Проверено». Затем посмотрела на лист с утренними вопросами к Оксане. Она так и не подала письменный запрос о данных. Днем это казалось первоочередным делом, но вечер вытеснил его. Сотрудники были вежливы, программа выглядела разумной, и то, что должно было настораживать, постепенно становилось одной из многих незавершенных мелочей.

Надежда поставила в телефоне напоминание на утро: «Запросить источник сведений. Письменно».

Перед тем как выключить свет, она заметила на подоконнике тонкую полоску бумаги, застрявшую между рамой и деревянной накладкой. Вытянула ее. Это оказался край старой наклейки со служебным номером комнаты и датой последней проверки окна. Никаких посланий, никаких символов.

Она усмехнулась собственному вниманию к случайным деталям и выбросила бумажку.

***

Утром ее разбудил не будильник, а стук в дверь.

За дверью никого не оказалось. Внизу, возле лестницы, стояла тележка с чистыми полотенцами. Надежда посмотрела на часы: семь десять. На дверь мог задеть ее край, когда тележку разворачивали.

Надежда умылась, оделась и вышла на дорожку перед корпусом. Воздух пах мокрой корой. Вода была невидима за белесым туманом; только по горизонту можно было определить, где заканчивается берег. У калитки стоял охранник, тот же, что вечером, и что-то проверял в блокноте.

Она дошла до площадки возле первого фонаря и остановилась. На стенде висела карта территории. Схема была нарисована от руки в условных цветах: главный корпус, гостевой, медпункт, столовая, хозяйственная зона, береговая дорожка. Возле входа в медпункт стояло маленькое красное сердечко, рядом — номер дежурного.

Надежда сфотографировала карту. На ней не показывались дороги за шлагбаумом, и это было естественно: схема предназначалась для проживания внутри.

Но старая постройка, которую она увидела в альбоме, также отсутствовала. На ее предполагаемом месте обозначался «технический сектор». Слова «вход ограничен» стояли возле всех хозяйственных объектов.

Из-за спины раздалось:

— Вы рано просыпаетесь.

Кедров шел по дорожке в непромокаемой куртке. В руках держал термокружку.

— Обычно да, — ответила Надежда.

— В городе тоже?

— В городе обычно из-за работы.

— А сегодня?

— Не выспалась.

— Первые ночи в новом месте редко бывают спокойными. Это не обязательно о тревоге. Просто незнакомые звуки.

Он не спросил, что она фотографирует, хотя телефон оставался в ее руке.

— Скажите, Михаил Андреевич, почему вам так важно, чтобы люди сдавали телефоны?

— Потому что без внешнего потока они слышат собственные мысли.

— Можно слышать собственные мысли и с телефоном в кармане.

— Конечно. Но вы же сами заметили, как много внимания требуется, чтобы проверить каждый сигнал.

— Проверка важна, когда сигнал странный.

— А когда обычный?

— Тогда я не трачу на него время.

Кедров поставил кружку на перила.

— В этом и вопрос. Кто определяет, какой сигнал странный?

Надежда посмотрела на него. Он почти дословно вернул ей мысль, которую она записала вчера о защитных ролях.

— Я, — сказала она. — Потому что мне с этим жить.

— Разумный ответ.

— А ваш?

— Человек определяет сам. Мы только предлагаем на время уменьшить количество сигналов.

Он снова соединял обещание свободы с мягким приглашением ею не пользоваться.

— Вы всегда так спокойно отвечаете?

— Нет. Иногда я ошибаюсь. Иногда злюсь. Иногда не знаю ответа.

— А сейчас?

Кедров улыбнулся впервые за разговор.

— Сейчас стараюсь не переубедить вас раньше, чем услышу ваш вопрос до конца.

Он поднял кружку и пошел к корпусу. Надежда осталась возле стенда. В словах руководителя было достаточно здравого смысла, чтобы подозревать его казалось несправедливым.

И достаточно умения вести разговор, чтобы доверять без проверки было опасно.

***

За завтраком участникам предложили написать на небольших листах одну вещь, за которую они благодарны себе. Оксана объяснила, что эта практика не связана с признаниями и не будет оцениваться.

Алина написала: «Приехала, хотя боялась». Павел — «Оставил работу на неделю». Роман долго сидел с пустым листом. Милана отказалась от упражнения и спокойно сложила бумагу пополам.

Надежда написала: «Сохранила право задавать вопросы».

Это выглядело несколько высокопарно. Она зачеркнула «право» и переписала: «Продолжаю задавать вопросы».

Оксана проходила между столами, не заглядывая в записи. Надежде понравилось, что в этот раз личное оставалось личным.

Евгения не писала ничего. Она сидела, держа ручку над бумагой.

— У вас есть что написать? — тихо спросила Надежда.

— Думаю.

— Можно не писать.

— Я знаю.

Но она произнесла это так, будто знание нисколько не помогало.

Через несколько минут лист все-таки заполнился. Когда Евгения перевернула его, Надежда невольно заметила только одно слово: «Вернулась».

Ей хотелось спросить, откуда. Но женщина быстро сложила лист и положила под тарелку.

Оксана объявила, что после завтрака участникам предстоит короткая индивидуальная встреча, а затем новая групповая работа. Тема дня — «Голос, который обвиняет».

— Не торопитесь искать у себя серьезные секреты, — сказала она. — Мы начнем с привычных слов и маленьких ситуаций. Иногда именно там становится заметно, как человек обращается с собой.

Глеб одобрительно кивнул. Павел спросил, успеют ли они к обеду погулять, и все рассмеялись.

Надежда посмотрела на Евгению. Та смотрела не на психолога, а на закрытую дверь, словно ждала, что сейчас в нее кто-то войдет.

В тот момент Надежда еще не знала, какая фраза прозвучит из уст Евгении до конца дня. И не знала, что самое страшное в ней будет не само признание, а уверенность женщины, которой еще вчера у нее не было.

После завтрака Надежда все-таки оформила письменный запрос. Инна выдала бланк без возражений, приняла два экземпляра и поставила на копии дату. В графе «Суть обращения» Надежда указала не только источник сведений о семейной ссоре, но и сохранность исходной версии психологического маршрута.

— Ответ вам передадут, — сказала Инна.

— Когда?

— В установленные сроки.

— Мне важно получить его до окончания программы.

Инна посмотрела на расписание, прикрепленное к стойке.

— Я отмечу срочность.

Надежда убрала копию в блокнот. По крайней мере теперь существовал документ, время получения которого можно подтвердить не только ее словами.

В коридоре она встретила Алину. Та держала в руках свернутую кофту, хотя утром было достаточно тепло.

— Вы видели Евгению? — спросила девушка.

— За завтраком.

— Она сказала мне странную вещь. Что, кажется, начала вспоминать дорогу, на которой никогда не была.

— Какую дорогу?

— Не знаю. Я спросила, откуда она знает, что не была там. Она ответила: «Потому что у меня есть справка». А потом заплакала.

Надежда почувствовала тяжесть под ребрами.

— Сейчас она где?

— С Оксаной. В комнате для бесед.

Они помолчали. В холле по-прежнему было уютно: за стойкой горела лампа, из столовой доносился запах выпечки, кто-то засмеялся возле лестницы. Ничего вокруг не соответствовало тревоге, которую вызвали слова Алины.

— Вы лучше не расспрашивайте ее при всех, — добавила девушка. — Мне кажется, она очень боится ошибиться.

— Я не собираюсь ее допрашивать.

— Знаю. Просто здесь любой вопрос почему-то звучит громче, чем снаружи.

Алина ушла, прижимая кофту к груди. Надежда осталась возле окна, из которого было видно медпункт и дорожку к техническому корпусу. Оттуда вышел молодой мужчина с коробкой проводов. Он что-то сказал охраннику и скрылся за деревьями.

Час спустя Евгения появилась в общей комнате. Она была бледной, но говорила ровно. На индивидуальной встрече, сказала она, ей предложили вспомнить не саму школьную трагедию, а ощущения того дня. Она вспомнила мокрую обувь, запах бензина возле автобуса, чью-то детскую куртку яркого цвета.

— Но я ведь не ездила, — повторила она. — У меня справка.

Надежда хотела спросить, чьи именно воспоминания ей предложили представить. Однако Оксана вошла следом и объявила начало короткого обсуждения.

Евгения вдруг выпрямилась.

— Я поняла еще одну вещь, — сказала она, обращаясь уже ко всем. — В тот день водитель открывал багажник, а мальчик стоял за автобусом. Я помню, как его позвали по фамилии. Он обернулся, а у него на куртке была желтая полоска.

Павел перестал двигать стул. Глеб внимательно посмотрел на Евгению. Оксана не произнесла ни слова.

— Откуда вы знаете про полоску? — спросила Надежда.

Евгения заморгала.

— Не знаю. Сейчас вспомнила.

— Вам кто-нибудь рассказывал это?

— Нет. — Она сжала бумажную салфетку. — Вчера я не знала даже, какого цвета была его куртка.

Надежда видела, что женщина не пытается произвести впечатление. Напротив, будто испугалась собственных слов.

— А фамилия мальчика? — осторожно спросила Оксана.

Евгения открыла рот, но не ответила.

— Не нужно, — быстро сказала Надежда. — Она может не отвечать.

Кедров, стоявший у двери, спокойно кивнул.

— Конечно, не нужно. Оставим это до тех пор, пока Евгения сама не захочет продолжить.

Но Евгения продолжила. Не потому, что ее попросили. Скорее потому, что теперь боялась остановиться на полуслове.

— Его звали по фамилии, — повторила она. — И возле заднего колеса лежал красный рюкзак. С одной оторванной лямкой.

Надежда взглянула на папку, которую Евгения привезла из Москвы. Справка об отсутствии в тот день лежала там с самого начала поездки. Еще вчера женщина говорила, что у нее нет воспоминаний о событии. Теперь рассказывала о багажнике, полоске на куртке и рюкзаке с такой точностью, словно видела все собственными глазами.

— Вы уверены, что раньше этого не знали? — спросила Надежда.

Евгения подняла на нее глаза. В них стояли слезы.

— Вот это меня и пугает. Я не знала. А теперь будто помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.